

- Зограф А.Н.*, 1940б. Записки нумизмата. Разговор о монетах // Ленинские искры. 4 января 1940 г. № 1 (1444). С. 8.
- Зограф А.Н.*, 1951. Античные монеты (МИА СССР. № 16). М., Л.
- Лепехина Е.В.*, 2002. К истории нумизматического собрания Эрмитажа 1764—1941 годы // Минцкабинет в Новом Эрмитаже. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. Санкт-Петербург, 21 февраля — 12 мая 2002 года. СПб. С. 5—33.
- Лепехина Е.В.*, 2009. Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа в первые послевоенные годы (к истории формирования системы учета и хранения нумизматических памятников) // Материалы и исследования Отдела нумизматики. Памяти А.А. Марковой (1895—1975) (ТГЭ. [Т.] 48). СПб. С. 18—31.
- Лепехина Е.В.*, 2017. О выдаче в Польшу по Рижскому договору 1921 года эквивалентной коллекции Варшавского университета // Материалы и исследования Отдела нумизматики (ТГЭ. [Т.] 87). СПб. С. 78—104.
- Орешников А.В.*, 2010. Орешников Алексей Васильевич. Дневник. 1915—1933. В двух книгах. Кн. 1. 1915—1924 (Научное наследство. Т. 34). М.
- Орешников А.В.*, 2011. Орешников Алексей Васильевич. Дневник. 1915—1933. В двух книгах. Кн. 2. 1925—1933 (Научное наследство. Т. 34). М.
- Смирнова Н.М.*, 1996. Александр Николаевич Зограф (1889—1942) // Монеты и медали. Вып. 1. М. С. 254—259.
- Фролова Н.А., Дюков Ю.Л.*, 2004. Александр Николаевич Зограф (1889—1942) // Портреты историков. Время и судьбы. Древний мир и Средние века. Т. 3. М. С. 80—92.
- Эрмитаж...*, 2001. Эрмитаж, который мы потеряли. Документы 1920—1930 годов. СПб.

Е.Г. Андреева (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)

К ИСТОРИИ СЕМЬИ А.Н. ЗОГРАФА

Говорить про моего деда, Александра Николаевича Зографа, интересно и вместе с тем сложно. Я никогда его не видела — он умер задолго до моего рождения. Для меня он всегда существовал в рассказах бабушки и отца и выглядел потому отчасти мифическим персонажем. Если в их воспоминаниях он прежде всего был человеком, которого они любили, в моем детском восприятии он в то же время казался героем семейной легенды.

Александр Николаевич Зограф был выходцем из семьи, в которой старались бережно относиться к памяти о своих предках. Хотя не все сведения удалось сохранить, нам известно, что родоначальник «русских» Зографов был греческим купцом, осевшим в России еще

при Екатерине II. Насколько можно судить, Христофор Зограф, от которого мы ведем свою родословную согласно фамильному генеалогическому древу и который приходится прадедом Александру Николаевичу, и был тем самым купцом. Однако нельзя полностью исключить, что он был сыном того купца, представляющим первое поколение Зографов, родившихся уже на российской земле. Сын Христофора Георгий (Юрий) служил в русской армии, а после отставки был судьей в Ярославской губернии; за личные заслуги он получил потомственный дворянский титул и позже герб (рис. 1). От Георгия (Юрия) Христофоровича пошла большая семья Зографов-москвичей, давшая множество ответвлений. Среди его многочисленных потомков можно назвать, например, Валентину Зограф-Плаксину, основавшую в Москве музыкальное училище (сейчас это Академический колледж при Московской консерватории), ее брата Константина Зографа, профессора химии и директора Московского промышленного училища, их сестру пианистку Александру Зограф-Дулову, ее внучку — Веру Дулову, известную в свое время арфистку. Многие из московских Зографов оставили тот или иной след в искусстве и науке.

Одним из них был мой прадед, Николай Юрьевич Зограф, отец Александра Николаевича. Зоолог, профессор Московского университета, где он вел активную преподавательскую деятельность, Николай Юрьевич был также известен своими научными работами, организацией гидробиологической станции в Подмосковье, действующей по сей день, и другими заслугами. Многие из его учеников стали впоследствии видными биологами. Студенты нередко собирались у него дома, что в те времена не было чем-то необычным; тем не менее, коллеги иногда шутили, что Николай Юрьевич надеялся таким образом выдать замуж своих многочисленных доче-

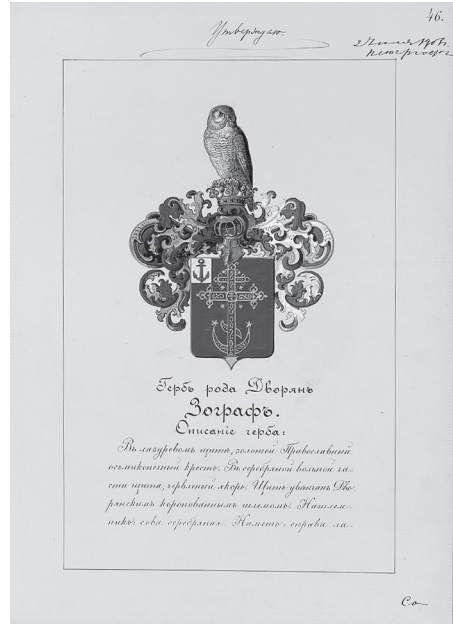

Рис. 1. Герб рода дворян Зограф (ОГ, ч. 18. С. 46; РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 108)

Рис. 2. Александр Зограф с сестрой Татьяной. Середина 1890-х гг.

Рис. 3. Александр Зограф с сестрой Татьяной. Конец 1890-х гг.

рей. Любопытно, что одна из них, Зинаида, действительно вышла замуж за его ученика, в будущем профессора, Эрнеста Георгиевича Беккера, но что было раньше, их брак или эти шутки, мы теперь не знаем.

Кроме четырех дочерей у Николая Юрьевича было два сына — один из них, мой дед, был самым младшим в семье. На сохранившихся детских и более поздних фотографиях он почти всегда с сестрой Татьяной, которая была старше всего лишь на год и два месяца. Они росли вместе и всю жизнь были очень близки — настолько, что Татьяна переехала из Москвы в Петроград вслед за ним (рис. 2, 3). На одной из моих любимых фотографий два малыша с компрессами на ушах сидят на диване в кабинете отца, который, сидя там же, читает какую-то рукопись или статью. Саша и Таня болели свинкой, и отцовский кабинет временно служил «лазаретом», где их изолировали от других детей. Показательна обстановка: массивный письменный стол с бумагами и разными принадлежностями, еще один стол со стопками книг, книжный шкаф, на стене фотографии семьи и портреты ученых; видны тяжелые резные стулья и плотная портьера, а фолианты на полке рядом с

Рис. 4. Александр Зограф.
Фото 1900 г.

Рис. 5. Александр Зограф с сестрой Татьяной. 1900-е гг.

диваном кажутся едва ли не больше самих детей. Воображение невольно дорисовывает и другие сцены из жизни этого дома: фигуру Николая Юрьевича за столом, с пером в руке; визиты его коллег и учеников, их обстоятельное общение и увлеченные споры о науке; таинственную тишину кабинета, пока его хозяин в университете или в экспедиции. В таком мире вырос мой дед, и неудивительно, что, впитывая с раннего детства эту атмосферу, он тоже стал ученым. На других фотографиях догимназического (рис. 4, 5), потом гимназического возраста (рис. 6) деда очень легко узнать не только благодаря характерной зографской внешности (любого Зографа, даже не зная имени, всегда можно распознать на старых фотографиях по фамильным чертам лица), но в первую очередь по распахнутому ясному взгляду человека, предчувствующего удивительные открытия, которые ему готовит жизнь (рис. 7).

Открытия действительно ждали его. Окончив с дипломом первой степени историко-филологический факультет Московского университета, где он изучал классические языки и историю искусств, Александр Николаевич занимался преподаванием и переводами, и одновременно с этим был вскоре принят в Московское нумизматическое общество и в отдел нумизматики Музея изящных искусств.

Рис. 6. А.Н. Зограф. Студент Московского университета (до 1912 г.)

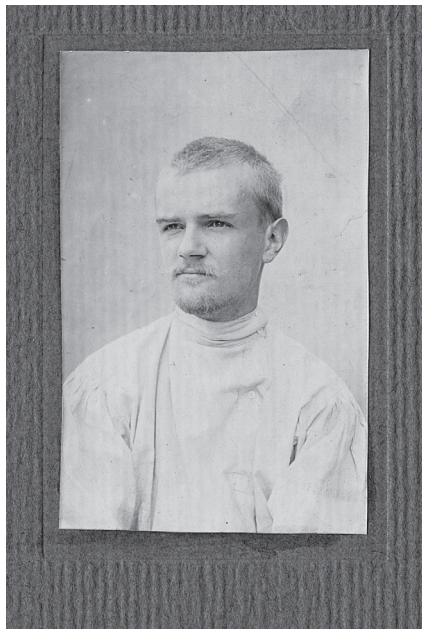

Рис. 7. А.Н. Зограф. 1910-е гг.

Через десять лет он перебрался в Петроград, получив приглашение работать в Эрмитаже: здесь он подготовил постоянную экспозицию монет, а в 1930-е годы возглавил отдел нумизматики. Именно в «эрмитажный» период жизни Александр Николаевич много ездил по древнегреческим городам Причерноморья и состоялся как крупный специалист по античным монетам. Как и его отец, он получил докторскую степень, стал автором научных трудов, в том числе работ, признанных классическими в своей области и переведенных на другие языки (рис. 8).

Здесь же, в Петрограде—Ленинграде, Александр Николаевич встретился со своей будущей женой и моей бабушкой, Ольгой Григорьевной. Ее отец, Григорий Иванович Котов, сын крепостного художника, дослужившийся до чина действительного статского советника и должности директора Центрального училища технического рисования барона Штиглица, был академиком архитектуры. Среди его наиболее заметных творений — художественное оформление Троицкого моста в Петербурге и собор святителя Николая Чудотворца в Вене (сейчас это кафедральный собор Венской епархии Русской православной церкви). Как и ее брат и сестра, бабушка получи-

Рис. 8. А.Н. Зограф

ла хорошее образование: сначала были французская и немецкая гувернантки, затем классическая гимназия и, наконец, Бестужевские курсы. Она читала на нескольких языках и прекрасно разбиралась в музыке. Вероятно, вкус к музыке был ею унаследован от матери, Веры Федоровны, урожденной Гельцер. Та была из известной театральной династии обрусевших немцев: ее родители были артистами Мариинского балета; она приходилась племянницей танцовщику и педагогу Василию Гельцеру и театральному художнику Анатолию Гельцеру, а также двоюродной сестрой прославленной московской балерине Екатерине Гельцер. Сам Александр Николаевич тоже был музыкален и играл на альте в любительском струнном квартете.

Несмотря на превосходное образование и, казалось бы, уважаемые профессии, Александр Николаевич и Ольга Григорьевна были, по словам бабушки, бедны как церковные мыши: в трудные времена Ольга Григорьевна, преподававшая латынь в Медицинском институте, подрабатывала чертежами, за которые получала больше, чем дед, заведовавший отделом в Эрмитаже. Она никогда не выражала сожаления обо всем том, чего с революцией лишилась ее семья, но ее воспоминания, как делили зарплату на тридцать дней и как этих денег едва хватало на продукты, говорят сами за себя. Ей, безусловно, была свойственна невероятная сила духа, которая отличала ее до последних дней.

Это качество особенно проявилось во время войны. С началом блокады Александру Николаевичу предложили отправиться вместе с семьей в эвакуацию, но он не хотел уезжать из города, прежде чем вверенные ему коллекции будут в безопасности. В итоге через несколько месяцев, в январе 1942 года, он умер от голода, а Ольга Григорьевна, потерявшая тогда не только мужа, но и родителей, с двумя сыновьями оставалась в Ленинграде всю блокаду. Несмотря на крайнее истощение, им чудом удалось выжить, но она так и

не смогла себе простить смерть мужа: с самого начала все съестное они отдавали в первую очередь мальчикам, стремясь сохранить их жизнь и ограничивая себя во всем. Между тем, две плитки шоколада, хранившиеся в доме на черный день, так и пролежали до самого снятия блокады, пока в пищу шло все подряд: столярный клей, разваренные кожаные ремни... Когда все дни — один чернее другого, невозможно понять, который из них окажется самым черным.

В таких обстоятельствах вырос мой отец, Георгий Александрович. После окончания школы с золотой медалью он без экзаменов поступил на физический факультет ЛГУ, но вскоре пришел к выводу, что физика, по-видимому, не его стезя. Мы не знаем наверняка, что послужило тому причиной. По одной из версий его решение было вызвано ускорением работ по советскому атомному проекту — по крайней мере, впоследствии он был рад, что выбрал путь, никак не связанный с созданием ядерного оружия, а именно перевелся на восточный факультет, где занялся изучением языков Индии. Столь неожиданный поворот был, очевидно, совершен не без влияния родственника по материнской линии, Дмитрия Алексеевича Ольдерогге, члена-корреспондента Академии наук, стоявшего у истоков отечественной африканистики, с которым папа всегда поддерживал очень теплые отношения. Интересно, что в востоковедении он действительно обрел себя. Впрочем, если правда, что научный склад ума — универсален, а область для его применения — вопрос второстепенный, то в успехе отца нет ничего удивительного. По окончании университета он поступил в аспирантуру, а потом стал сотрудником Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, где проработал всю жизнь. Он любил свою работу — и научные изыскания, и переводы. Круг его интересов включал и лексикологию, и фольклор, и письменные памятники древности, но основные его достижения связаны с изучением морфологии новых индоарийских языков, которая им впервые была описана как цельная, строгая система (соответствующую монографию он защитил как докторскую диссертацию), и со структурной типологией — он разработал принципиально новую классификацию этих языков, а впоследствии с ареальной лингвистикой, в которую он внес вклад целым рядом работ о языках Южной Азии. Я думаю, что это был главный его талант — способность «за деревьями увидеть лес», от частного перейти к общему. Отец написал несколько книг, в том числе изданных в переводе на английский и немецкий языки, и я надеюсь, что оставленный им след в науке, как и след деда, не сотрется еще долго.

Научную традицию продолжает мой брат, Петр Георгиевич, доктор физико-математических наук, специалист в области геометрии и математической физики. Склонность к точным наукам передалась и его сыну, Георгию Петровичу, который недавно защитил кандидатскую диссертацию и занимается исследованиями в сфере нанофотоники. Таким образом, родословная линия Александра Николаевича насчитывает уже пять поколений Зографов-ученых. Что касается меня, то я представляю филологическое направление, но, хотя и занимаю доцентскую должность, никогда не стремилась к науке как основному занятию, а обрела свое призвание в преподавании английского языка. Обе мои дочери также нашли себя в лингвистике и преподавании.

Такова вкратце история семьи Александра Николаевича Зографа, уходящая глубоко в прошлое, протянувшаяся через весь XX век и продолжающаяся по сей день.